

О ВАЛЬТЕРЕ РЕЙНСКОМ

"Существует много видов яда, и сбыновенно судьба находит повод поднести к устам свободного ума чашу с таким ядом, чтобы "наказать" его, как истом говорят все."

Ф. Ницше, "Человеческое, слишком человеческое".

Что лучше: знать или не знать, сколько раз и на каком кресте ты будешь распят? Вальтер Рейнский знал это. Знал и осознавал. Что остается человеку в этом положении? Какой выбор? Конец ясен: смерть. Но несколько шагов до нее, несколько жизненных мгновений: как?

Признанный лидер дрезденского экспрессионизма, поэт и писатель Вальтер Рейнский (Райнер) родился в небогатой католической семье Кёльна 18 марта 1895 года. (Настоящее имя: Вальтер Хайнрих Шорренберг). В юности он посещал в родном городе классическую гимназию, которую с блеском закончил. Однако по недостатку средств не смог продолжить образование и приступил к изучению коммерции в Кёльне и Лоттике.

В конце 1912 года он уезжает за границу и более года живет в Париже и Лондоне. В первой половине 1914 года Вальтер Райнер переселяется в Берлин, где знакомится с поэтами-экспрессионистами, группировавшимися прежде всего вокруг журнала "Активон". К этому же времени относятся его первые поэтические опыты.

В августе этого года начинается Мировая война. Желая избежать призыва на военную службу (вместе с несколькими собратьями по богеме) начинает принимать наркотики (благородная причина, впрочем, роли не играет), зависимость от которых оказала решающее влияние на всё его будущее, но не спасла от фронта. В декабре 1914 года Вальтера забирают в армию. После короткой подготовки он попадает в Россию, где находится до мая 1917 года. Годы военной службы мало известны его биографам.

Первое время после возвращения Вальтер Райнер живет в Берлине. Однако, следя за своим другом художником и поэтом

Конрадом Феликсмюллером (1897-1977), с которым свел знакомство в "Акцьон" еще до войны, он все чаще и чаще появляется в Дрездене и включается в его художественную жизнь, активно участвует в создании экспрессионистских объединений, выпускает в Дрездене свои первые (и последние!) книги.

Дрезденский экспрессионизм имел в своей истории два периода: ранний, художественный (1905-1913) и поздний, литературно-театральный (1917-начало 20-х гг.).

Саксонская столица может в известном смысле считаться родиной экспрессионизма.

Еще в конце 1905 года группа студентов архитектурного отделения образовала художественное объединение "Мост" (Э.-Л.Кирхнер, Ф.Блейль, Э.Хеккель, К.Шмидт-Ротлуфф, позднее - Э.Нольде). В программе "Моста", которую в 1906 году на дереве выгравировал Эрнст-Людвиг Кирхнер, говорилось: "С верой в развитие, в новое поколение творцов и ценителей искусства мы вызываем ко всей молодежи. И как молодежь, несущая в себе будущее, мы хотим добиться свободы жить и творить вопреки закоснелым старым схемам. Нашим единомышленником является каждый, кто непосредственно искренне передает то, что побуждает его к творчеству". "Мост" стал классикой экспрессионизма.

Второй этап дрезденского экспрессионизма начинается после окончания войны, когда в саксонскую столицу начали стекаться разбросанные военными событиями по городам и всем художественные силы. Художники: Константин фон Мицке-Колланде, Петер Август Бёклигель, Конрад Феликсмюллер и Отто Ланге уже в 1917 году объединились в "Группу 1917", которая стала зародышем будущего дрезденского "Сецессиона. Группы 1919". Издается журнал "Колония 5%", устраиваются художественные выставки нового искусства и авторские чтения авангардной литературы. Второй экспрессионистский журнал Дрездена "Новые листки искусства и поэзии (ответственный редактор Хugo Цэдер) начал выходить с мая 1918г.. 1-го октября 1917 года возникает "Экспрессионистское рабочее движение Дрездена", примерно в это же время - "Дрезденский союз поэтов". Журнал "Цвингер", первый номер которого еще носил заголовок "Листки дрезденского придворного театра", с 1917 г. начинает представлять публике всё нарастающее количество работ экспрессионистского плана. Особенно часто брал слово

в этом журнале Бертольд Сиртель, в 1918–21 гг. руководящий новаторскими экспериментальными инсценировками в дрезденском Шаушпильхаузе. Свой вклад в этот журнал внесли также Фридрих Вольф и Конрад Феликсмюллер..

В 1919 году дрезденский экспрессионизм переживает новый творческий подъем. Двумя изданиями с января 1919 года выходит в свет журнал "Люди". Еженедельник несил подзаголовок "Дрезденский листок по понедельникам" и был посвящен текущей политике. А выходивший два раза в месяц "Журнал нового искусства" полностью предоставил свои страницы воплощению творческих идей "Экспрессионистского рабочего содружества", куда входил и Вальтер Рейнский. Как уже говорилось ранее, из "Группы 1917" образовался в этот период "Сецессион". Группа 1919". В качестве участников-основателей к нему принадлежали художники Петер Август Бёкстигель, Отто Дикс, Конрад Феликсмюller, Билл Хеккrott, Лазарь Сегаль, замечательная женщина, талантливый скульптор Гела Борстер и архитектор Хugo Цэдер. И прежде всего Отто Дикс и Лазарь Сегаль придали Сецессиону в художественном отношении важную значимость, которая в последующие годы шагнула далеко за пределы саксонской столицы. Здесь создаются новые издательства, нацеленные на выпуск экспериментальной литературы, в городском театре ставятся экспрессионистские пьесы Вальтера Хасенклевера.

В эти годы Вальтер Райннер лихорадочно работает. Одна за другую выходят в Дрездене книги стихов его и прозы. Не имея постоянного пристанища, он мечется по городам, по редакциям, лечебницам и ночлежкам, разлученный с семьей. Каторжная гиля наркомании тянет за ним повсюду: Берлин, Дрезден, Киль (здесь к работе во вновь созданном в июле 1917 года экспрессионистском журнале "Прекрасная редкость" пригласил его издатель Адольф Харрис).

Эти несколько дрезденских лет становятся единственным публичным взлетом его творчества: "Звучащее сердце. Стихи" (1917), "Остров блаженных. Вечерняя песнь" (1918), "Болезненное море. Стихи ранние и новые" (1918), "Шылкий музыкант. Лирическая сцена" (1918), "Кокайн". Новеллы" (1918), "Цестрый день" (1919).

Первый авторский вечер Вальтера Райнера состоялся еще в 1917 г., где вещи его читала поэтесса Бесс Брэнк Калишер. Откли-

ки на прозвучавшие произведения были очень горячие, обсуждение на страницах литературных газет носило характер живой заинтесованности. Имя Вальтера Райнера быстро приобрело известность в богемных кругах. Он спределенно был признан сильным лириком и оригинальным прозаиком. Но человеческие силы оставляли его, борясь со слепой силой болезни ему становилось всё труднее. К зависимости от кокaina теперь добавилась еще и страсть к морфию. Крах человеческих и политических надежд, которые на короткий период в полтора-два года подняли его в рост, был неизбежен. Лишь один раз между январем и апрелем 1920 г. он предпринял попытку вырваться из железных лап недуга, когда начал писать регулярные рецензии для "Дрезденской концертной и театральной газеты". Однако, зависимость зашла уже слишком далеко.

Давний приятель Вальтера Райнера Рудольф Адриан Литрих (1894–1969) в своей новелле "Знаки времен" изобразил обстановку, в которой он заставал в это время в Берлине своего друга:

"Тогда вторично на ум Корвею пришел его знакомый, коканист. Он невольно вспомнил один день, когда был приглашен к нему "на чай" после обеда. Комната предстала ему в безотрадном опустошении, красивая из себя жена, вероятно, только что встала и была непричесана. Непокрытые волосы были взъерошены, она была бедна и пермячка сдета, один из чад – еще в постели. Сам муж лишь свою минуту поднялся, вынужденный к этому Корвеем — Корвею пришлось очень долго дожидаться за дверью. Как всегда его приветствием была жалоба. В сей раз на зубную боль. Он предложил Корвею папиросы, единственное, что имел "как раз дома". Позднее жена пропела им несколько песенок. Она намеревалась поступить в кабаре. Её голос был поставлен лишь только счасти, не хватало техники дыхания и кое-чего другого. Оба ребенка, девочки двух и четырех лет, крутились между взрослыми, бледные и "воспитанные"... Снаружи, перед слепым, выходящим на задворки окном, падал мокрый снег и, когда налетал порыв ветра, налипал на оконные стекла. Около семи часов Корвея собрался уходить. Знакомый спросил его, увидятся ли они завтра. Корвея в первое мгновение ничего совершенно не понял. Но затем до него дошла эта навязчивость человека, ко-

торый спускался всё больше и больше, который все силы свои и соки израсходовал в безумной борьбе с "жизнью", с этим "тайным союзом" и теперь должен был присасываться к кому-нибудь, чтобы несмотря ни на что, несмотря ни на что вдохнуть малую толику устойчивой жизни".

Однако, Бальтер продолжал свою литературную работу.

Как же эволюционировала творческая мысль писателя?

На этих страницах мы не станем говорить о поэтическом наследии Бальтера Райнера — это тема другой работы. Касаясь же здесь ранних прозаических вещей нашего автора, отметим лишь присущую ему патетику, манифестарность, стилистическую вычурность, эксперименты с языком, прокламативность слога при перевыраженно-нанизывающей образности. Это хорошо видно из приведенного ниже отрывка рассказа "Смерть мечтателя Готье Фемэ":

"Вполне возможно, что его тогдашняя несказанная возлюбленная в минуту его полного с ней разрыва и обернулась той невинной пулею, осуществившей его самоубийство. — Пересаженная ради изучения музыки из Христиании в Париж, Эрид познакомилась с ним в салоне одного молодого композитора: — с ним, буквально сбитым с ног полуночно-солнечным фьордовым ландшафтом ее глаза и свежей несбыточностью ее тела. Вскоре после этого сюженцию видели, при расточительном игнорировании как своего супруга, так и прежнего своего друга, рука об руку странствующей с ним по красочным полям вечерних бульваров, как они пеяются в световых каскадах концертных залов и театров, плывут в розовом сиянии и духах ателье хорошо знакомых молодых живописцев.

/..../

Меж ними были слова и незначительные поступки, из коих внезапно расцвел взор, позволивший ему познать единство их глубочайшей сущности. В долгих прогулках по Булонскому лесу, когда сладко и по-новому они чувствовали равнину лесных опушек, пруды и близкий небосвод, струящийся над ними, он создал ей единственное евангельское слово "ты-бытие", в котором сми зарвались. Захваченный создатель необузданного идеализма, схватившим всю душу и тело священным трепетом, бродящий под единственными округлыми сводами перевернувших дух дней, Готье больше не сознавал смысла и цели трезых цифр контокоррентного счета, многоязычного текста океанических деловых писем, скучных

распоряжений руководителя в конторе "Дрейфус и К°. /.../.

В гашином и коканиновом дурмане (это зелье ему за хорошие чаевые доставал кельнер с Монмартра) он грезил вскоре уже баснословным душ-слиянием с нею, экстатически перетёенным будущим, вознесшимся колонной, эйфелебашнеподобной, завершённой красотой, красотою двух существ: — вскоре снова нападали на него сомнения в только что провозглашенному идеале, проекты экспериментов первозднейшего перенапряжения, тревожные само-анализы и само-замеры в выстроенном им самим нечеловечески-чудовищном масштабе. /.../ Ловко, однако, преподносил он нам (как никогда прежде) дословный текст своих суетливых, торопливых, запутанных, даже сомнительных разговоров в эти дни с Эрид. Она, становящаяся, образ из ирамора, почти лишенный им телесности, чужой день ото дня: — она больше не желала понимать его страха, его настаивания на осуществлении переживаемого в кульминации романтически-мистического экстаза чувства "ты-бытия. /.../ Так стал он ей сперва безразличен, неудобен, беспокоящ и, в конце концов, враждебен.

А он, Готье: в одиночестве сидящий или (редко) непривычно, потерянный и расстроенный среди нас, рассказывающий чуть ли не голосом обвинителя с утомительной иронией о своем последнем совместном времяпрепровождении с Эрид, уже то там, то здесь выводил из себя такими словами, как Цербинетта-Ариадна! нарциссистка! психо-проститутка! или же: она промышляет на "внутренней" панели! она уже опять с кем-нибудь "шурь-муры"! слияние-де разбилось с порок ее душевных клапанов!..."

Однако, постепенно декларативная патетика сменяется в творчестве Бальтера Райнера выражением (местами даже пафосом) живого чувства и горестной судьбы страдающего человека. Его литературные герои (Тобиас Штернраффер) плоть от плоти писателя. В сравнении с тенденцией острой экспрессионистской сатиры (А.Дёблин, Р.Шикеле, К.Штернхайм, Г.Мани) Бальтер Райнер занят совсем иным, он сумел воплотить в своих книгах всю страшную суть болезни, воплотить так, как по своей наивности могли бы это сделать дети. Подобно Г.Гейму, Г.Сакку или Г.Бэнду Бальтер Райнер вносил в литературный текст содержательность мира лишь посредством более-менее прямого проявления чувств, непосредственного свидетельства мотивов поступка. Его работам, следовательно, недоставало структуры традиционного

рассказа, что уже неоднократно отмечалось рядом критиков. Творчеству Бальтера Райнера присуща доминанта субъективности, вообще характерная для лирики переживания. Фабула как бы не-ренесится, на сцену выступают голоса и "ипостаси" героя-автора. Этим добивается сильного сценического эффекта, разыгранного книгою на подиумах сердца и головы читателя. Наверное, было бы весьма банальным указывать, что выражение чувств в работах Бальтера Райнера было отчетливо современным и невольно ставило временно-критический акцент.

Последние пять лет Бальтер Райнер, и без того не имевший постоянной крыши над головой и стабильной работы, всё более погружался в нужду и болезнь. Города, вокзалы. Лечебницы. Разлука с семьёй. Талант истощался. Он попытался еще раз подняться, когда в 1920 году несколько месяцев кряду вёл литературный отдел в одной дрезденской газете. Но рухнула надежда. Миру он был уже не нужен. "Но я знаю, - писал он горькие слова, - что в первую очередь сегодняшнее человеческое общество в его буржуазно-европейской форме - действительно неполноценное."

На портрете Конрада Феликсмюлера "Смерть поэта Бальтера Рейнского", тот со шприцем морфия в руке воспаряет из окна в синее небо.

15 июня 1925 года он покончил жизнь самоубийством в своем временном жилище в Шарлоттенбурге, в Берлине.

Иллюстрированная Конрадом Феликсмюллером новелла "Кскаин" впервые вышла в Дрездене (300 экз.) и нынче является библиографической редкостью.

На русский язык произведения Бальтера Райнера не переводились.

Юргис Нели

У И Ж Е Н И Е
(ТАНЕЦ СМЕРТИ)

"Ах, вы все еще спите и почиваете?
Вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников."

(Матв.26,45).

I

Кто большие призван, силы ощутить над собою, чем поэт?
Кто большие призван испить все ужасы их шумных гробов, чем он, призванный катыахскально, утверждающий, вечно бородящийся на масличной горе, говорящий: Невозможно, что чаша сия пошла от меня, мне не испить ее; так совершается воля твоя!... Он живет на всех островах; он проникает в каждый город; замерзший воробышок, он слетает вниз в любом парке; и каждая ночь враждебна ему! — Лишь тот, кто служит, может приказывать!... Так он служит, принц, и над ночью и мраком становится он королем, триумфальным глашатаем и властителем света. — Так стал он добычей (бездрадной) пустыни восточного яда: он, призванный, Тобиас Штернраффэр, поэт. —

Уже больше часа!.. Охваченный отвращением шагал он по плавучему мосту. Понтоны стонали, — мокрые водо-звери, — под торопливими его шагами. Собор, вслугнутый заяц-гигант, длинными ушами кидался в тускую даль. Пароход, со шлепающими колесами, торопился исчезнуть во мраке. Свет-крень фабрики на берегу пульсировала по стержням-остову и грязным скнам-глазам.

Его ладонь в кармане демисезонного пальто нежно поглачивала медицинскую бутылку. Глубокое отвращение к лицевой части мозга, на периферии черепа, в глазах, на затылке; зловещий натиск, какая-то несъяснимая, непостижимая, непреодолимая теска по яду в позвоночнике: — так сел он, забившись в углу трамвая. Он сгорал от нетерпения поскорее добраться домой.

Мать и сестра уже спали. Кошка же светилась в его комнате.

Он зажег газ и приготовил на склонковатом стуле бутылку, шприц, вату, платок и свечу. Едва сбросив сюртук, он сделал себе в плечо два сильных укола. Его ноги отдалились от пола, волосы вспенились, он вскарил к потолку комнаты и пад сияние газового освещения. Он усерднейше раздевался.

Еще не улегшись в постель, он уже почувствовал как, паяя, сверху на него спускается темное покрывало, которое крепко сковывало его, плотно закрыв рот, нос, уши и легкие, и вдавливало его в угол. Там он съежился до совершенной малости. Глаза вытаращились; зрачки расширились до двух бездонных черных шахт... Ах! Давление с тела прочь! — Он торопливо сделал два новых укола. —

Тетчас же ему стало лучше и бесконечно спокойно. Глаза закрылись. Однако они затем снова взошли словно две темные луны: широке! широке!... Руки немногого дрожали. Он спрятался в постели. — Мебель начала шуметь, и окон-занавеси издавали еле слышную музыку. Комната закачалась, будто изнутри медленно погружающийся корабль.

Стой! За им же могли наблюдать! Он тщательно зашторил окна, запер на ключ дверь в комнату и повесил на цеколду шляпу. — Ага, фотографии на комоде, возможно, могут служить тайным наблюдателям зеркалом!

Он положил их плацми, взял даже в руки зеркальце и напряженнейше следил за событиями в той части комнаты, к которой ему приходилось поворачиваться спиной.

Страх нарастал... Обои сжились глазами, которые медленно крутили вверх и вниз, и бросали на него острые взгляды. Он испуганно вспринул и огляделся вокруг. Но тотчас же бросил тело обратно, потому что под диваном что-то заневелилось... Может быть это сестра его, подающая сияющей матери световые сигналы о его состоянии и количестве уколов?... Он вскочил, поискав под диваном, сделал новый укол, рассмеялся (то была кошка), погасил газовое освещение и заново улегся в постель.

Он лежал там, вытаращив глаза. Кошка, тихо крадучись, ходила по комнате. — Новый страх схватил его. Он услыхал четкие голоса, голоса своей матери и сестры. Он быстро сделал укол.

Теперь ненадолго замолкли. Но вдруг раздался звонок (пс-

среди-то ночи!), дверь скрипнула, кто-то вошел в соседнюю комнату. В свое ручное зеркальце Тобиас мог теперь каким-то образом (каким именно он уже не разумевал) видеть комнату по соседству. — Там горел свет. Мать и сестра в ночных сорочках сидели за столом; пришедший был доктор Лагенштэхер, аптекарь, у которого он доставал кокain. Он держал птицу в руке, был в пальто и медленно и соотрадательно качал головой. Мать плакала. Вот Тобиас совершенно отчетливо услышал, как сестра произнесла: "Это не очень ужасно с Тобиасом??... Как он таращит глаза! Нужно позвать врача! Он сойдет с ума!" Аптекарь печально кивнул. Мать всхлипнула: "Конечно, господин Лагенштэхер, пригласите врача!" Аптекарь повернулся и вышел. Мать в глубокой скорби утинала лицо в руки на столе.

II

...О Боже! Врач!... — Тобиас испуганно вздрогнул и попытался лихорадочно дрожащими руками зажечь свечу. Лишь от шестой спички загорелся огонь. Он сделал себе укол.

Тем временем сквозь закутанное окно серо и медленно проникал, наползая, день. Тобиас, споткнувшись о конку, что сидела на задних лапах, в передних дерзла маленько зеркальце и подавая световые сигналы, отпер, сперва тихо, затем одним рывком дверь комнаты и буравящим взглядом уставился в коридор. У задней стены стоял старый сундук, и Тобиас отчетливо увидел сидящую на нем фигуру матери, которая старалась спрятать изъеденное горем лицо и тайком за ним присматривала. Сестра, Ли, спряталась за одеждой стоячей иешалики и неодобрительно присвистывала языком. Тобиас неотрываясь долго смотрел туда. Наконец, проговорил, запинаясь (и голос вялым лежью лиц к небу), в прихожую: "Мать!... да оставь это!... Я же вижу тебя!... Я и сделал-то один-единственный укольчик!" Кровь холодно прилила к его лицу от этой лжи, однако он посчитал ее необходимой, чтобы успокоить мать, из глаз которой текли крупные слезы. Она не шевелилась. "Ну, я... я... я же вижу!..." проговорил Тобиас. Оглянувшись, он заметил прошмыгнувшую в комнату сестру, она только что исчезла за оконной гардиной. Он снова заперся на ключ.

Осторожно прокраляся к гардине; но прежде чем успел дойти

до нее. Ли через закрытое окно выпрыгнула наружу. Он посмотрел ей вслед, быть может она еще крепко держится за подоконник. Но она, разбившись, лежала внизу на улице. И тело ее мутильно дергалось.

Медленно скапливался народ. — Тобиас дрожал всем телом. Он присел на кровать и сделал себе одну за другой две инъекции. При второй он слишком глубоко всадил иглу; живо полился тонкий, ярко-красный ручеек, сполз от плеча до запястия, закапал на бедро и вдоль ноги побежал до самой подошвы. Он взглядел как линия железной дороги на географической карте. Вата насквозь покраснела, так часто Тобиас пытался остановить кровь. Глумливая течь! В конце концов ему стало казаться, будто он кровоточит тысячью укусов и всеми порами тела. Смертельный страх охватил его. Он представил потокам течь. —

Ясный день уже наступил. Стеклянное солнце бросало холодные обманчивые лучи на лежащие вокруг высокие шестистаточные дома; гигантские крыши, казалось, выбрировали, и на улицы солнечные лучи падали как миллионы иголок.

Тобиас с трудом подтащился к окну, чтобы взглянуть на сестру. — На улице было черно от людей, толкающихся, теснящаяся толпа, которая молча и пристально уставилась вверх на Тобиаса, злорадными и недобрими лицами.

Тобиас судорожно искал вокруг на полу. Что же искал он? ... Иглы, сестру или часть милого, разбитого тельца? Руки и колени его были выпачканы, потому что уставшая мать давно уже не прибирала комнату Тобиаса. Бесчисленные спички, вата, пятна свечи и крови лежали повсюду. Тобиас брал все пальцами, вертел в руках и пристальнейшим образом рассматривал. Он боялся, что все эти предметы могут оказаться сестрой, и он лишь неправильно видит это...

Он снова приблизился к окну. Внизу собралась толпа, внимательно глазела наверх и осведомлялась друг у друга, бормоча. И также на крышах лежащих напротив домов, во всех окнах, на всех балконах червились люди, мужчины и женщины, часть из них с подзорными трубами и театральными биноклями, все, однако, расположившиеся единственно ради него и его разглядывающие. Мать и сестра, в ночных сорочках, прогодившие, были внизу. Ирис, кошка, коварно прогуливалась на ироничных лапах над

тысячью голов, доктор Нагенштэхер, аптекарь, стоял на балконе в центре и втолковывал, уточняя руками, куче полицейских тяжелый случай Тобиаса Штернраффера. Те слушали; шлемы и резиновые дубинки покачивались. Тобиас, правда, не мог разобрать ни слова, однако не оставалось сомнений, что речь идет о нем, о нем!

Вот все полицейские внезапно обернулись и остро посмотрели на Тобиаса; один из них вышел вперед (людская толпа замутила, этакое море) и (этот был капитан полиции в блестящем мундире) закричал в его сторону:

"Эй! Вы! Вы там! Черт побери! Оставьте-ка сейчас же ваши штучки! Как вам не стыдно!... Вы животные!!"

Аплодисменты, рукоплескания народа внизу. Все новые подходили из близлежащих улиц, балконы все больше и больше заполнялись и взлетел буйный, долго звенящий крик:

"Эй! Вы там! Эй! Господин Штернраффер! Господин Штернраффер!... Хватит! Хватит! Перестаньте! Эй! Господин Штернраффер!"

Некоторые спрыгивали с балконов и торопливо взбирались вверх по фасаду дома, по направлению к комнате Тобиаса. Тот, сбливаясь потом, лепетал:

"Но... но... сейчас... сейчас... дом... ведь рухнет..."

Да, он рухнул. — Сперва зашатался высокий шкаф, сатанински ухмыляясь. Кровать свалилась на брахо. Рёв набухал, некий грехот! Фиолетовые солнца пустылись в иллюс. Шкаф и мебель медленно и широко наклонились вперед! Тобиас попытался закричать; звук застрял в нем. В паденьи он еще увидел, как на той стороне осипались все балконы и со смистом вместе со зрителями обрушились в бездну...

Всё потонуло в океане воя и света...

III

(РЕКВИЕМ)

Аптекарь, однако (...разве вы не видите этого?...) суть ХРИСТОС ИИСУС, сидящий над разрушенными домами и павшим людьми, и с состраданием качающий головой. Он держит шляпу в руке и собирается позвать врача. Из кармана демисезонного пальто извлекает он огромную луну-арду. Он плачет, и когда слезы падают на струны, тихо звенят:

Ты Сын Человеческий! Не жертвует небо взора
и доброго слова к смертельному стенаниям танцу.

Мука-дождь, слезы глухие,
увенчивает (с горькая участь!) головы ваши.

Вы несчастные кости! В нужде скрытой и смерти,
воспламеняет Бог утомленного мозга крик.

...Ты ЧЕЛОВЕК велик! и терний-венец
несешь ты, и распятие тысячекратно!...

... ... И Тобиас Штернраффэр, который видит его, Тобиас, испытавшегося тела, несчастной главой на материнских коленях, кричит! кричит!:

Б у д ь д о б р ı   б у д ь д о б р ı

1917.

.....